

Самозанятость и ее противоречия*

М.С.Токсанбаева,

С начала реформ до настоящего времени самозанятость ассоциируется с расцветом предпринимательской активности, подъемом малого бизнеса, преодолением безработицы. Устойчивость репутации самозанятости во многом обусловлена ее противоречивым характером - как показано в статье, ее росту способствует и рыночная трансформация, и экономический кризис. Однако кризисное расширение самозанятости соответствует стагнации и подрыву рынка труда. Поэтому меры по поддержке самозанятости, не увязанные с комплексом решений по выходу экономики из кризиса, могут иметь столь же противоречивые последствия.

С начала реформ на развитие самозанятости возлагались большие надежды как на «раскрепощение» предпринимательской активности населения, необходимой для функционирования новой хозяйственной системы. Неудовлетворенность социально-экономическими результатами сформировавшейся новой системы вновь порождает упования на самостоятельное предпринимательство, теперь с опорой на аргументы об эффективности малого бизнеса. Не все они представляются убедительными, но для более предметного разговора следует начать с уточнения понятий.

В международной, а теперь и в российской статистике занятое население по статусу занятости подразделяется на три основные группы: самозанятые, наемные работники и неоплачиваемые семейные работники. Самозанятыми считаются те, кто имеет собственное дело, а потому по роду деятельности и правовому положению относится к предпринимательскому «сословию». Среди них различают работодателей, использующих наемный труд на постоянной основе, и тех, кто либо обходится без наемного труда, либо применяет его нерегулярно и в малых количествах. В их число входят занятые ин-

* Статья является фрагментом исследования, выполненного при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 97-02-02134).

дивидуально, в хозяйствах семейного типа, на предприятиях с коллективной формой собственности (Методологические положения по статистике, 1996). Категорию самозанятых, не являющихся работодателями, можно назвать самозанятыми в собственном смысле слова.

Хотя самозанятые являются предпринимателями, не все предприниматели относятся к самозанятым: часть причисляется к наемным работникам. На акционерных, а также государственных предприятиях предпринимательские функции выполняют работающие по найму должностные лица, которые в международной профессионально-квалификационной «табели о рангах» фигурируют как высший слой корпоративных управляющих (Международная стандартная классификация занятий, 1998).

Таким образом, в статистике самозанятые - это те предприниматели, у которых, в отличие от «генералитета» акционерных и государственных предприятий, функции распоряжения собственностью даже формально не отделены от владения ею. Если самозанятый имеет управленческую должность, то в отличие от корпоративного управляющего он выполняет соответствующие функции от собственного имени.

Статистическим признаком, отделяющим самозанятых от наемных работников, является самостоятельное обеспечение себя работой благодаря организации и руководству собственным делом, тогда как наемные работники получают доступ к рабочему месту путем сделки через отношения найма. Поэтому статусная структура занятости выступает как одна из характеристик рынка труда, дающая представление о масштабах самостоятельного и наемного трудоустройства.

Присущее самозанятым «совместительство» собственника и предпринимателя характерно для небольших хозяйств. Данные статистики развитых стран говорят о более высоком удельном весе самозанятости в отраслях, где сравнительно сильны позиции малого бизнеса. Например, в США самозанятые составляют около 9% занятого гражданского населения, а среди аграрных работников, значительная часть которых трудится в фермерских хозяйствах, - более 40%. В обрабатывающей промышленности страны, где доминируют средние и крупные корпорации, на долю самозанятых приходится примерно 2% работников (Statistical Abstract of the United States, 1995).

Самостоятельное трудоустройство приобретает особую актуальность в условиях спросовых ограничений на наемный труд. С точки зрения компенсации несбалансированности рынка труда различия между самозанятостью и наемным трудом в современных рыночных экономиках носят не принципиальный, а ситуационный характер. Периодическое падение спроса на наемный труд не связано с тем, что этот тип труда «пасует» перед самозанятостью. Поэтому сбалансированность рынка труда достигается не столько замещением наемного труда трудом самозанятых, сколько общим повышением спроса на труд и уменьшением структурных диспропорций между спросом и предложением.

Самозанятость является подлинной альтернативой наемному труду с позиции проблемы, именуемой отчуждением труда, при котором труд лишен хозяйской мотивации. С этим некоторые исследователи связывают перспективы ухода наемного труда с исторической арены и замены его самозанято-

стью. Предполагается, что потенции эффективности наемного труда медленно, но верно приближаются к исчерпанию и следующая, посткапиталистическая (отрицающая наемный труд) стадия рыночной экономики будет базироваться на широком распространении самозанятости в собственном смысле слова, а именно на коллективно-трудовой и индивидуально-семейной форме собственности (Белоцерковский, 1997). Эти прогнозы опираются на успехи малого бизнеса, в котором широко используются «паевые» начала, а также на рост числа самоуправляемых (нередко выкупленных работниками) предприятий, которые весьма плодотворно конкурируют с «бастионами» наемного труда.

Перспективы посткапитализма - тема, заслуживающая внимания, но мы ограничимся рассмотрением основных современных тенденций развития самозанятости и наемного труда, возможностей самостоятельного и наемного трудоустройства, заложенных в экономиках индустриального типа. Данный аспект исследования соприкасается с вопросами развития малого бизнеса, имеющего широкую «зону» пересечения с самозанятостью.

Развитие рынка труда в рыночных экономиках характеризуется опережающим ростом численности наемных работников (включая наемный менеджмент) по отношению к числу хозяйствующих субъектов, что ведет к относительному снижению самозанятости в составе рабочей (см. табл.1).

За рассмотренный в табл.1 период статусная структура занятости экономически активного населения представленных стран (за исключением Италии) изменилась в пользу наемного труда, а рост удельного веса наемных работников корреспондировал с

уменьшением доли самозанятых. Самые значительные перемены произошли в Греции, Южной Корее и Японии, где процесс экономического развития имел иные «стартовые» условия и сопровождался сдвигами в секторальной структуре занятости, характерными для «догоняющей» индустриализации. Речь идет о снижении занятости в первичном секторе экономики, куда входит сельское хозяйство, при росте занятости во вторичном (промышленность, строительство и др.). Этот процесс в данных странах нашел отражение и в снижении занятости неоплачиваемых семейных работников, доля которых особенно высока в аграрном секторе. В Южной Корее и Японии сдвиги в структуре занятости произошли при значительном росте численности экономически активного населения (особенно в Южной Корее, где он составил 2,5 раза).

Взаимосвязь статусной структуры рабочей силы с уровнем индустриально-экономического развития подтверждена и тем, что в более развитых странах удельный вес занятых наемным трудом обычно выше, а самозанятых - ниже. Это прослеживается по данным табл. 1, где страны расположены в порядке возрастания величины реального ВВП на душу населения (по состоянию на 1993 г.) (Доклад о развитии человека за 1996 г., 1996), являющейся одним из показателей уровня экономического развития. Вместе с тем в странах, у которых различия по этому показателю не очень значительны, под воздействием специфичных для конкретных экономик факторов возможны некоторые отклонения от названной закономерности. Например, в Испании, уступающей Италии по величине ВВП на душу населения, в 1991 г. занятость наемным трудом в составе экономически активного населения достигла

Таблица 1.

Распределение экономически активного населения некоторых индустриально развитых стран по статусу занятости в 1960-1994 гг. (%)

Годы	Самозанятые	Работающие по найму	Неоплачиваемые семейные работники	Прочие
Греция				
1961	35,0	33,5	28,6	2,9
1971	38,6	42,3	18,4	0,7
1981	35,8	48,8	11,1	4,3
1992	32,5	51,6	11,1	4,8
Южная Корея				
1960	44,0	21,3	28,6	6,1
1970	33,9	38,0	25,5	2,6
1980	33,1	40,5	19,7	6,7
1990	27,6	58,8	11,2	2,4
Италия				
1961	20,5	66,4	10,2	2,9
1971	20,6	70,0	4,5	4,9
1981	17,9	69,1	2,8	10,2
1991	21,6	63,8	3,7	10,9
Япония				
1960	16,7	53,5	23,8	6,0
1970	19,2	63,3	16,1	1,4
1980	16,7	69,5	11,3	2,5
1990	13,0	76,4	7,5	3,1
Швейцария				
1960	14,5	80,8	4,7	0,0
1970	10,4	89,6	0,0	0,0
1980	9,7	90,3	0,0	0,0
1994	12,8	84,3	2,9	0,0
США				
1960	11,3	82,7	1,0	5,0
1970	7,2	88,0	0,5	4,3
1980	6,3	86,8	0,6	6,3
1990	8,2	91,0	0,3	0,5

Источник: Yearbook of Labour Statistics: 1945-1989. Geneva, ILO, 1990; Yearbook of Labour Statistics. Geneva, ILO, 1991, 1992, 1993, 1995.

72%, а самозанятость - 17% против, соответственно, 63,8% и 21,6% в Италии.

В целом экономическому развитию, обусловленному индустриальным прогрессом, соответствует восходящий тренд уровня наемного труда и нисходящий - уровня самозанятости. Становление рынка труда в роли главного регулятора рациональной (эффективной) занятости ведет к перегруппировке трудовых ресурсов. Это перераспределение в дальнейшем осуществляется по комплексу приоритетов, реализуемых как рыночной саморегуляцией, так и общественным воздействием на его механизм. На рынке труда в развитых и особенно социально ориентированных странах обеспечиваются основные гарантии по режимам, условиям и оплате наемного труда, которые блокируют издержки конфликтного «диктата потребителя» рабочей силы, противодействуют растрае трудового потенциала и способствуют его рациональному использованию в краткосрочной и долгосрочной перспективе.

В последние два десятилетия в промышленно развитых странах процесс повышения занятости по найму и снижения самозанятости замедлился, а в некоторых - приостановился. В соответствии с данными табл. 1 это произошло там, где уже к началу 60-х годов наемная занятость охватила не менее двух третей экономически активного населения. В настоящее время в этих странах резервы изменения статусной структуры рабочей силы через сдвиги в рамках первичного и вторичного секторов экономики практически исчерпаны (как правило, занятость в сельском хозяйстве уже не превышает 10%, а в некоторых государствах - и 5% работников).

В 70-е годы в индустриальных странах обозначился структурный сдвиг в пользу

третичного сектора, в составе которого опережающими темпами росла численность занятых в сфере услуг (в отличие от транспорта, торговли и др., также входящих в третичный сектор). Сфера услуг в силу доминирования в ней малого бизнеса является отраслью со сравнительно высоким уровнем самозанятости, уступающим только сельскому хозяйству и - в ряде стран - строительству. Кроме того, появление новых технологий позволило повысить эффективность малых специализированных производств, что открыло «шлюзы» для увеличения числа хозяйствующих субъектов, применяющих наемный труд в уменьшенной пропорции.

В развитии самозанятости в индустриальных странах ныне налицо еще одна особенность. Динамика самозанятости, равно как и динамика продуктовых макроагрегатов, имеет характер циклических колебаний относительно тренда. В годы рецессий самозанятость обычно растет, а по мере их преодоления снижается. Так, например, в США в 1991 г. (в год достижения нижней точки последнего циклического спада) на фоне абсолютного сокращения занятости и роста безработицы имел место относительный и абсолютный рост самозанятости. В 1992 г., когда экономика США стала выходить из депрессивного состояния, наблюдался противоположный процесс - снижение показателей самозанятости на фоне увеличения общей занятости (см. табл. 2).

В отношении самозанятости фаза циклического спада является своего рода аналогом деиндустриализации.

Циклические колебания самозанятости вызваны переходом части наемных работников в самозанятые. Для многих наемных работников, теряющих рабочие места, самозанятость становится не столько доброволь-

Таблица 2.

**Численность и удельный вес занятых, безработных и самозанятых
в США в 1991-1992 гг. (в % к предыдущему году)**

	1991		1992	
	Численность	Уд. вес*	Численность	Уд. вес*
Занятые	99,1	98,2	100,6	99,7
Безработные	122,6	121,8	111,4**	110,4**
Самозанятые	101,2	102,3	96,9	96,6

* Удельный вес занятых определен в составе взрослого населения, безработных - в составе экономически активного населения, а самозанятых - в составе занятых.

**Безработица снижается с запаздыванием, фирмы сначала используют внутренние резервы (увеличение рабочего времени, сократившегося в предыдущем году).

Источник: Statistical Abstract of the United States. Washington, DC, 1995. P. 399, 404, 420.

ным выбором, сколько вынужденным пристанищем. Таким пристанищем могут стать малые предприятия. При ухудшении экономической конъюнктуры небольшие хозяйства приобретают конкурентные качества, проблематичные при циклическом подъеме. Во многом это определяется условиями кредитования, от которых существенно зависит деловая активность крупных производителей. В отличие от них мелкие производители товаров и услуг не нуждаются в больших капиталах, у них в среднем более высокие показатели трудоемкости, они менее зависимы от текущих материальных и инвестиционных затрат, а потому обладают более стойким «иммунитетом» к ухудшению конъюнктуры.

Однако такая самозанятость - это временный приют, условие не процветания, а выживания. По мере выхода из кризиса происходит возврат значительной части самозанятых в наемные работники. В периоды циклических спадов происходят и отраслевые изменения самозанятости. Она устремляет-

ся в отрасли, обслуживающие насущные потребности населения, подлежащие удовлетворению даже при существенном общем сокращении потребительских расходов. Самозанятость растет и в отраслях, где сравнительно небольшие вложения приносят быструю и высокую отдачу, что позволяет выдерживать кризисную дороговизну краткосрочных заимствований. Поэтому общий рост численности самозанятых обеспечивается прежде всего за счет сельского хозяйства, сферы услуг и торговли. Например, в США в 1991 г. именно в этих отраслях произошло абсолютное увеличение самозанятости, но в 1992 г. вектор изменился. В других отраслях (кроме транспорта и коммуникаций) колебания носили противоположный характер - численность самозанятых в 1991 г. снизилась, а в 1992 г. обнаружила тенденцию к росту (Statistical Abstract of the United States, 1994). Отметим, что если в долгосрочном разрезе в сфере услуг самозанятость неуклонно упрочивает свои позиции, то в сельском хозяйстве и торговле она их сдает. Так, на-

пример, в США в составе самозанятых за период с 1970 г. по 1994 г. доля занятых в сельском хозяйстве уменьшилась с 25,7% до 15,4%, в торговле - с 23,7% до 17,9% (Statistical Abstract of the United States, 1995), то есть кризисный рост самозанятости в этих отраслях также противоречит тренду.

Далее, самозанятые, не относящиеся к работодателям, мало или вообще не связаны с обязательствами по оплате наемного труда, что обеспечивает повышенную гибкость их доходов в зависимости от выручки. Именно поэтому в периоды рецессий численность самозанятых в той или иной сфере деятельности может возрасти и при сокращающихся объемах этой деятельности. Например, данный феномен наблюдается в торговле, которая также испытывает кризисный спад.

«Антикризисные» особенности самозанятости не следует отождествлять с успехами малого бизнеса последних десятилетий, которые создали ему репутацию «малого экономического чуда». Преуспеванием малый бизнес обязан не столько преимуществам экономической компактности и мобильности, сколько развившейся на базе современных технологий высокой способности имитировать производственные достижения среднего и особенно крупного бизнеса и обслуживать технологические цепочки, используя разнообразные выгоды специализации. Поэтому залогом повышения конкурентоспособности малого бизнеса является эффективное развитие его «старших братьев».

Рост самозанятости при циклических спадах представляет собой противоречивый процесс. Его не следует трактовать как расцвет предпринимательской активности - ведь эта активность угнетена в отраслях и

на предприятиях, являющихся «флагманами» экономического развития. Самозанятость мобильнее приспосабливается к ухудшенной рыночной конъюнктуре, однако эта конъюнктура ориентирует не столько на развитие, сколько на выживание за счет экономии на стратегических ресурсах и гибкости трудовых доходов. Поэтому кризисная конкурентоспособность самозанятости может оборачиваться технологической деградацией, малоэффективным использованием ресурсного потенциала, самоэксплуатацией, гипертрофированным разрастанием быстро окупаемых посреднических операций.

В кризисных условиях самостоятельное обеспечение себя работой становится альтернативой не столько найму, сколько безработице. Оно выступает одним из симптомов подрыва рынка труда как регулятора рациональной занятости и «проводника» социальных гарантий в сфере трудовой деятельности.

Несмотря на то, что самозанятость снижает социально напряженную несбалансированность рынка труда, ей обычно не удается компенсировать общего снижения занятости. И уж тем более она не способна переломить кризисную динамику и стать «локомотивом» экономического роста. Выход из кризиса и переход на траекторию роста обычно обеспечивается не мелкими хозяйствами, а адекватно реагирующими на изменение конъюнктуры крупными и средними корпорациями промышленных отраслей, в которых самозанятость ни в годы подъема, ни в годы спада не имеет значимых позиций.

Разумеется, тенденции развития самозанятости в стабильных рыночных экономиках не могут не отличаться от тенденций, характерных для российской экономики, где

становление самозанятости на законных основаниях получило мощный импульс только с началом реформ. Самозанятость в нашей стране существовала и до реформ, но в ограниченных масштабах, в основном полулегально и нелегально, поэтому неизбежно должна была пережить период легитимного «бума». В формах кооперативов, индивидуальной трудовой деятельности, совместных, а затем и малых предприятий самозанятость стала интенсивно расти в тех отраслях хозяйства, в которых она распространена и в рыночных странах. Это услуги, торговля, строительство, сельское хозяйство, производство промышленных потребительских товаров и т.п. Затем рост самозанятости был «подпитан» приватизацией, в результате которой часть предприятий перешла в собственность трудовых коллективов, а некоторые подразделения предприятий «отпочковались» в самостоятельные малые фирмы.

Широкий простор распространению самозанятости открыли реформаторские просчеты, благодаря которым высокорентабельной стала деятельность перераспределительного и спекулятивного характера (не говоря уже о разного рода криминальных отклонениях). Однако нельзя отрицать вклада самозанятости в насыщение потребительского спроса, формирование конкурентной среды и заполнение (хотя и противоречивое) инфраструктурного вакуума, образовавшегося с развалом дореформенных посреднических структур.

Еще одним стимулом самозанятости стал экономический кризис. Несмотря на то, что российский кризис не относится к разряду циклических, в своих ключевых проявлениях - негативных характеристиках экономической динамики и изменения занятости -

он соответствует кризисной фазе деловых циклов. «Волонтеры» самозанятости начинают черпаться из среды безработных и «новых бедных», то есть работников с социально низкими трудовыми доходами.

По данным Госкомстата РФ, удельный вес работающих не по найму в составе занятых вырос с 6% в 1992 г. до 13,1% в 1996 г. В основном эти цифры отражают динамику самозанятости: среди работающих не по найму неоплачиваемые семейные работники составляют только 2% (Котляр, 1998). Оценка этого сдвига не может быть однозначной, так как он аккумулирует разнородные процессы. С одной стороны, рост самозанятости отражает ее становление как феномена рыночной трансформации. С другой стороны, он противоречит этой трансформации, подрывая рынок труда в его функции регулятора рациональной и социально защищенной занятости. Одной из форм расстройства рынка труда стала своего рода замена социальных гарантий наемного труда в соответствии с квалификацией легитимными и особенно нелегитимными льготами тем, кто обеспечивает себя работой сам. Попытки свести эти процессы воедино и представить кризисное расширение самозанятости как одно из «стартовых» условий ее дальнейшего развития вызывают определенные сомнения.

То, что рост самозанятости, определенный экономическим кризисом, является не перспективным, а конъюнктурным процессом, может быть подтверждено данными о смене вектора ее динамики после фазового перехода. Но пока кризис не преодолен, статистическая аргументация затруднена. Однако некоторые выводы возможны и сегодня, так как благодаря разнообразию форм

проявления кризиса, на отдельных российских «территориях» наблюдались фрагменты стабилизации.

Обратимся к данным мониторинга социально-экономического потенциала семьи, проведенного в 1993-1995 гг. под эгидой Минсоцзащиты РФ. В ходе мониторинга самодостаточное (живущее домохозяйствами) население четырех административных единиц - Орловской и Тверской областей, Ханты-Мансийского округа и г. Магнитогорска было обследовано двукратно в течение годового периода. По результатам повторного обследования в трех первых «регионах» показатели уровня жизни и занятости менялись по кризисному сценарию: реальные душевые доходы и занятость взрослого населения снизились, а безработица (по экономически активному населению) возрасла. В Магнитогорске, судя по динамике показателей занятости и безработицы, экономическая ситуация улучшилась при незначительном снижении уровня жизни. Изменение самозанятости отслеживалось по индикатору занятых индивидуально и на предприятиях, выкупленных работниками (по

отношению ко всем занятым), так как в полученной информации только эти категории могли быть идентифицированы в качестве самозанятых. Отметим, что вектор динамики индикатора предопределили индивидуалы, трудовая мобильность которых наиболее чувствительна к конъюнктурным колебаниями на фоне предполагаемого рыночной трансформацией восходящего тренда (см. табл. 3).

Из собранных данных вытекает следующее. Во-первых, динамика самозанятости корреспондирует с динамикой безработицы и противоречит динамике занятости. Это наблюдается как при снижении занятости, так и при ее повышении. Поэтому повышение самозанятости в трех «регионах», где кризис углублялся, не может быть отнесено только на счет экспансии рыночных отношений. Во-вторых, кризисный рост самозанятости не компенсирует негативной динамики занятости и безработицы. В-третьих, на размах колебаний уровня самозанятости влияет местная специфика. Так, в Ханты-Мансийском округе последствия снижения занятости «смягчила» отрицательная мигра-

Таблица 3.

Некоторые административные единицы РФ по показателям занятости, безработицы и самозанятости в 1993-1995 гг. (%)

Административные единицы	Занятость		Безработица (по методике МОТ)		Самозанятость	
	1993-94	1994-95	1993-94	1994-95	1993-94	1994-95
Орловская обл.	64,1	58,3	4,6	7,8	4,9	10,2
Ханты-Мансийский округ	85,0	78,8	1,3	3,7	2,4	2,6
Тверская обл.	68,2	63,3	2,4	5,9	2,5	3,6
Магнитогорск	66,0	68,6	2,3	0,9	3,0	1,4

Источник: Уровень жизни населения. Социально-экономический потенциал семьи. - М.: Минсоцзащиты РФ, 1996 г., с. 43, 120.

Таблица 4.

**Показатели занятости, безработицы и индивидуальной занятости
в С.-Петербурге и Вязниках (%)**

Показатель	С. - Петербург			Вязники			
	1992	1993	1997	1992	1993	1995	1997
Занятость	66,5	66,2	58,9	71,1	66,7	61,6	55,8
Безработица (по методике МОТ)	3,2	4,3	5,7	2,8	4,8	7,7	14,7
Занятость индивидуальной трудовой деятельностью	0,4	3,4	2,8	0,2	1,9	1,9	2,3

ция, а «взлет» самозанятости в Орловской области, видимо, произошел не без влияния особенно большого (50%) падения уровня жизни.

О детерминации роста самозанятости экономическим кризисом можно судить и по ее отраслевой структуре. Не располагая соответствующей информацией по самозанятым, используем данные об отраслевой деятельности малых предприятий. В 1996 г. в торговле и торгово-посредническом бизнесе было сосредоточено 45% малых предприятий, причем, по экспертным оценкам, около 90% малых и средних предприятий выживали именно за счет этой деятельности (Блинов, 1998). Гипертрофия торговли и торгового посредничества в мелком предпринимательстве - типичный кризисный феномен.

Несмотря на то, что рост самозанятости обусловлен двумя разнородными, но пока однонаправленными процессами, потенциал этого роста ослабевает. Об этом свидетельствуют тенденции «торможения» развития малого предпринимательства, к которому в определенной своей части принадлежат самозанятые. Так, к началу 1997 г. в сравнении с предшествующим годом коли-

чество малых предприятий сократилось на 6%. Проблемы финансовой устойчивости и платежеспособности обострились и на предприятиях сферы торговли, в которых, по данным выборочных обследований, число предприятий, имеющих убытки, возросло в 1996 г. до 40% (Макроэкономические аспекты становления социального хозяйства, 1998). О тенденциях в области индивидуального предпринимательства можно получить представление на основе материалов социолого-экономических обследований семей, проведенных сотрудниками Института социально-экономических проблем народонаселения РАН в 1992-1997 гг. в С.-Петербурге и Вязниках Владимирской области (см. табл. 4).

По реальным возможностям рыночной трансформации С.-Петербург и Вязники (мегаполис и малый город) представляют собой урбанистические «полюса», но в сфере занятости для них характерны однонаправленные процессы. Рост занятости индивидуальной трудовой деятельностью (ИТД) в 1993 г. вызван «обвальным» падением уровня жизни после либерализации цен, а также снятием ограничений на индивидуальные торговые операции. К середине 1997 г. от-

носительное увеличение занятости ИТД отмечено только в Вязниках. Возможно, в С.-Петербурге экономическая ситуация стабилизировалась (четырёхлетний перерыв в наблюдениях слишком велик для отслеживания конъюнктурных колебаний). По крайней мере за этот период безработица в городе повысилась незначительно и сохранилась на низком уровне, наблюдаемом в развитых странах в периоды роста деловой активности (да и то теперь не во многих).

В Вязниках за 1995-1997 гг. безработица почти удвоилась и вышла на социально неблагоприятный уровень, стимулирующий самозанятость даже при сужении объективных возможностей самостоятельного трудоустройства. Одним из факторов выживания самозанятости стала гибкость трудовых доходов. Об этом свидетельствуют изменения соотношения между средними трудовыми доходами индивидуальных и всех работников, произошедшие на фоне падения их реального содержания. Если в 1993 г. это соотношение составило 1,8 в пользу индивидуально занятых, в 1995 г. - 1,7, то в 1997 г. - 1,02, то есть средние трудовые доходы индивидуальных и всех работников сравнялись (аналогичная тенденция наблюдалась в С.-Петербурге - с 2,5 в 1993 г. до 1,6 в 1997 г.). Для представления о потребительском эквиваленте среднего трудового дохода в Вязниках в 1997 г. укажем, что он составил 1,4 прожиточного минимума. По нашим исследованиям, трудовой доход ниже 1,5 прожиточного минимума является сильным продуцентом бедности (работник должен обеспечивать себя и своих иждивенцев).

В условиях, когда потенциал экономического роста, а вместе с ним и роста занятости блокируется, проблема самообеспечения работой при дефиците рабочих мест может

представляться выходом из положения. Высказывается мнение, что многие трудности в развитии самозанятости будут преодолены при поддержке малого бизнеса (Федоров, Черемушкин, 1998). Безусловно, правовые препоны для «малых» хозяйственных инициатив необходимо устранять. Не вызывает сомнений и целесообразность оказания помощи безработным в организации собственного дела. Конкретные меры многих служб занятости в сложившейся ситуации заслуживают высокой оценки.

Однако нет убедительных оснований для обобщения текущих трансформационных и конъюнктурных решений до уровня стратегии приоритетного развития малого бизнеса. Для подобных обобщений недостаточны и ссылки на статистику развитых стран, в которых количественные показатели малого бизнеса существенно превосходят российские показатели.

Вообще со статистическими параллелями нужно быть крайне осторожными. Небесспорность подобных параллелей можно проиллюстрировать данными по самозанятости. Современный уровень российской самозанятости - 13% занятого или 12% экономически активного населения - соответствует с уровнем, наблюдаемым в наиболее развитых странах (см. табл. 1). Но по «форпосту» самозанятости - аграрному сектору - Россия эти страны превосходит: 15% занятых в сельском хозяйстве в составе работников против 3-7% у индустриальных лидеров. По данному показателю, как и по показателю уровня экономического развития (реальный ВВП на душу населения) Россия ближе к индустриальным странам Латинской Америки, например, таким, как Венесуэла или Чили (11-16% занятых в сельском хозяйстве). В этих государствах уровень са-

мозанятости - выше четверти экономически активного населения, а занятость неоплачиваемых семейных работников достигает 6-8% (в России менее 1%). На кого же нам равняться - на Венесуэлу или США?

Ориентация на рост самозанятости связана с развитием малого бизнеса. Однако без технологической модернизации, которая инициируется крупным и средним бизнесом, это вряд ли приблизит нашу страну к наиболее развитым государствам. Если по числу малых предприятий разрыв сократится, то по статусной структуре рабочей силы возрастет. На консервативной воспроизводственной базе этот процесс сопряжен не столько с индустриальным прогрессом, сколько с деградацией, разрушением производственных комплексов, углублением расстройств рынка труда. Статусный и структурный сдвиг занятости в развитых странах имел принципиально иной технологический, институциональный и социально-правовой базис.

Низкие уровни российской самозанятости, занятости неоплачиваемых семейных работников, а также доли малых предприятий обусловлены, в частности, слабой распространенностью товарных семейных хозяйств в деревне. Однако вопрос о малом аграрном бизнесе далеко не однозначен. Опыт индустриальных стран показывает, что приоритеты в развитии сельского хозяйства реализуются через дотационную поддержку его как отрасли и, соответственно, через дотации семейным хозяйствам в силу их отраслевой принадлежности. Дефицит такой поддержки чреват деиндустриализацией сельского хозяйства, тогда как перед Россией в стратегическом плане стоит противоположная задача.

России насущно необходима разработка и реализация стратегии индустриального развития. Первоочередные направления и формы поддержки структурных звеньев экономики, в том числе малого бизнеса должны определяться в рамках этой стратегии. Без ориентации на стратегические цели затруднен выход экономики на траекторию роста (Белоусов, 1998). Вне фазового перелома малый бизнес обречен на прозябание в узких рамках спроса, предъявляемого, с одной стороны, стагнирующим крупным и средним бизнесом, с другой стороны, населением, уровень жизни которого в период кризиса не растет.

Решение проблемы рабочих мест путем самозанятости является паллиативом. Кризисный рост самозанятости не компенсирует несбалансированности рынка труда. Вместе с тем необходимо признать, что в последние годы расширение самозанятости и малого бизнеса дало серьезные позитивные результаты. Это относится и к практике межотраслевой интеграции разных хозяйственных форм. Эмпирически нащупаны рекомендации относительно путей и методов развития малых форм (Макроэкономические аспекты становления социального хозяйства, 1998). В этом же контексте следует оценить меры, предпринимаемые представителями коллективных (народных) предприятий в союзе с законодательной властью, по укреплению правового статуса этих предприятий (принятие закона «Об особенностях правового положения акционерных обществ работников»). Народные предприятия являются перспективной формой самозанятости, а на текущий момент - и реальной альтернативой «экономике физических лиц» (Клейнер, 1996).

Однако экономическая среда кризиса не столько способствует позитивным процессам, сколько осложняет их протекание, что нашло выражение в замедлении развития samozанятости. При этом основные воспроизводственные проблемы (дороговизна обязательных платежей, дефицит собственных и заемных ресурсов и др.) актуальны для малых предприятий не менее, чем для крупных и средних. Положение усугубляется тем, что samozанятость и малый бизнес вынужденно обслуживают и деструктивные процессы, при которых samozанятость становится альтернативой не столько безработице, сколько найму, а малый бизнес не дополняет, а замещает крупный и средний. «Лобовая», а не стратегически избирательная поддержка самостоятельного предпринимательства будет способствовать и данным негативным тенденциям.

Следует также иметь в виду, что большинство работников по социальным установкам плохо приспособляется к предпринимательской деятельности, для них предпочтительнее труд по найму. Поэтому для поддержки безработных, принадлежащих к данному типу, целесообразнее помощь не в самообеспечении работой, а в привлечении к некоммерческой занятости. Этот вид занятости испытывает нехватку финансовых ресурсов, которые, например, в США в годы

«великой депрессии» черпались за счет жесткого прогрессивного налогообложения персональных доходов и доходов от собственности. Проводник «Нового курса» Ф. Рузвельт утверждал: «Во всех случаях, когда надо будет сделать выбор, я стою за людьми, а не за собственностью» (Богачев, 1993). В основе экономической практики кризисной России пока лежат иные приоритеты, в соответствии с которыми контроль за персональными доходами оставляет желать лучшего, по ставкам налогообложения и реальным гарантиям выплат доходы от собственности имеют преимущества перед трудовыми доходами, а безработных приходится ориентировать на самостоятельное решение проблем с работой (при дефиците производственных ресурсов и депрессивном рыночном спросе).

Важнейшим фактором поддержки претендентов на работу является экономический рост, повышающий спрос на труд. Поэтому не пассивные ожидания, а действенные меры по проведению индустриально ориентированной политики предоставят возможность как наемным работникам, так и samozанятым проявлять трудовую мобильность и реализовывать трудовой потенциал в формах, наиболее адекватных рациональной занятости.

Литература:

Белоусов А.Р. Системный кризис как вызов российскому обществу. // Проблемы прогнозирования, 1998, N 2.

Белоцерковский В. Совместима ли Россия с капитализмом? // НГ-сценарии, 14.08.1997.

Блинов А.О. Малое предпринимательство. Организационные и правовые основы деятельности. - М.: Ось-89, 1998, с. 24.

Богачев В.Н. Прибыль?!.. О рыночной экономике и эффективности капитала. - М.: Финансы и статистика, 1993, с. 104-106.

Доклад о развитии человека за 1996 г. - Нью-Йорк - Оксфорд: Оксфорд юниверсити пресс, 1996, с. 135-137.

Клейнер Г.Б. Современная экономика России как «экономика физических лиц». // Вопросы экономики, 1996, N 4.

Котляр А. О понятии рынка труда. // Вопросы экономики, 1998, N 1, с. 37.

Макроэкономические аспекты становления социального хозяйства. - М., ИЭ РАН, 1998, с. 116-127.

Международная стандартная классификация занятий. - М.: Финстатинформ, 1998, с. 35.

Методологические положения по статистике. Вып. 1. - М.: Госкомстат России, 1996, с. 47-48.

Федоров В., Черемушкин В. Лекарство от безработицы. // Человек и труд, 1998, N 2.

Statistical Abstract of the United States. Washington, DC, 1994.

Statistical Abstract of the United States. Washington, DC, 1995.